

**ИСТОРИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

Г. Е. Дубровин

**«ДОКОНЧАНСКИЙ» ПЕРИОД ИСТОРИИ ПЛОТНИЦКОГО КОНЦА
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (XI – СЕРЕДИНА XIII в.)**

Самым ранним поселением на Торговой стороне Новгорода (рис. 1) является Славно, или Славенский поселок, в ее южной части, существовавший, судя по материалам Михайловского раскопа, уже в 70-е годы X в. [Колчин, Хорошев, с. 145].

Никаких данных о заметном расширении заселенной территории на север, запад и восток до первого-второго десятилетий XI в. у нас нет¹.

Импульсом к освоению территории между Славенским поселком и Плотницким (впоследствии Федоровским) ручьем послужило перенесение Ярославом Владимировичем княжеской резиденции с Городища на Торговую сторону Новгорода в 10-е годы XI в. Этот перенос, нашедший свое подтверждение в археологических материалах Городища [Носов, 1997, с. 274], привел к тому, что под реальной защитой князя и его дружины начинает активно развиваться городской Торг, появляется первый иноземный двор (Парамонь двор) [Мельникова, с. 129–130; Рождественская] и одновременно с этим заселяются окрестности первоначального и, вероятно, в какой-то степени административно обособленного древнейшего поселка Славно.

Селится здесь, судя по всему, в основном, пришлое население, в том числе, по-видимому, и люди из княжеского окружения и дружины, образуя к северу от Славна своеобразный «внекончанский посад», жители которого входили в состав так называемой Княжей сотни, упомянутой в «Уставе князя Ярослава о мостех» (1265–1267 г.)². В. А. Буров, подробно исследовавший проблему Княжей сотни, показал, что в эту сотню, существовавшую в Новгороде наряду с девятью другими городскими сотнями, так или иначе связанными с тремя древнейшими концами, входило преимущественно население неновгородского происхождения, в том числе торговцы и ремесленники, феодалы небоярского происхождения, княжие мужи. Ее члены осваивали внекончанские территории и подчинялись непосредственно князю. Исследователь предполагал существование своеобразных «посадов» около Славенского, Людина и Неревского концов, где и проживало население Княжей сотни [Буров, 1987, с. 86, 89–92, 94–95].

¹ Нижняя дата наиболее ранних ярусов Буяного раскопа — рубеж X–XI в. [Хорошев, 1978, с. 180–181] кажется далеко не бесспорной. Тем более что сам автор публикации говорил о трудностях датировки ранних напластований этого раскопа. По-видимому, здесь корректнее говорить о начале — первой половине XI в.

² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 149–152; ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 507–508; [Тихомиров, с. 146; Янин, 1977, с. 109, 111–115].

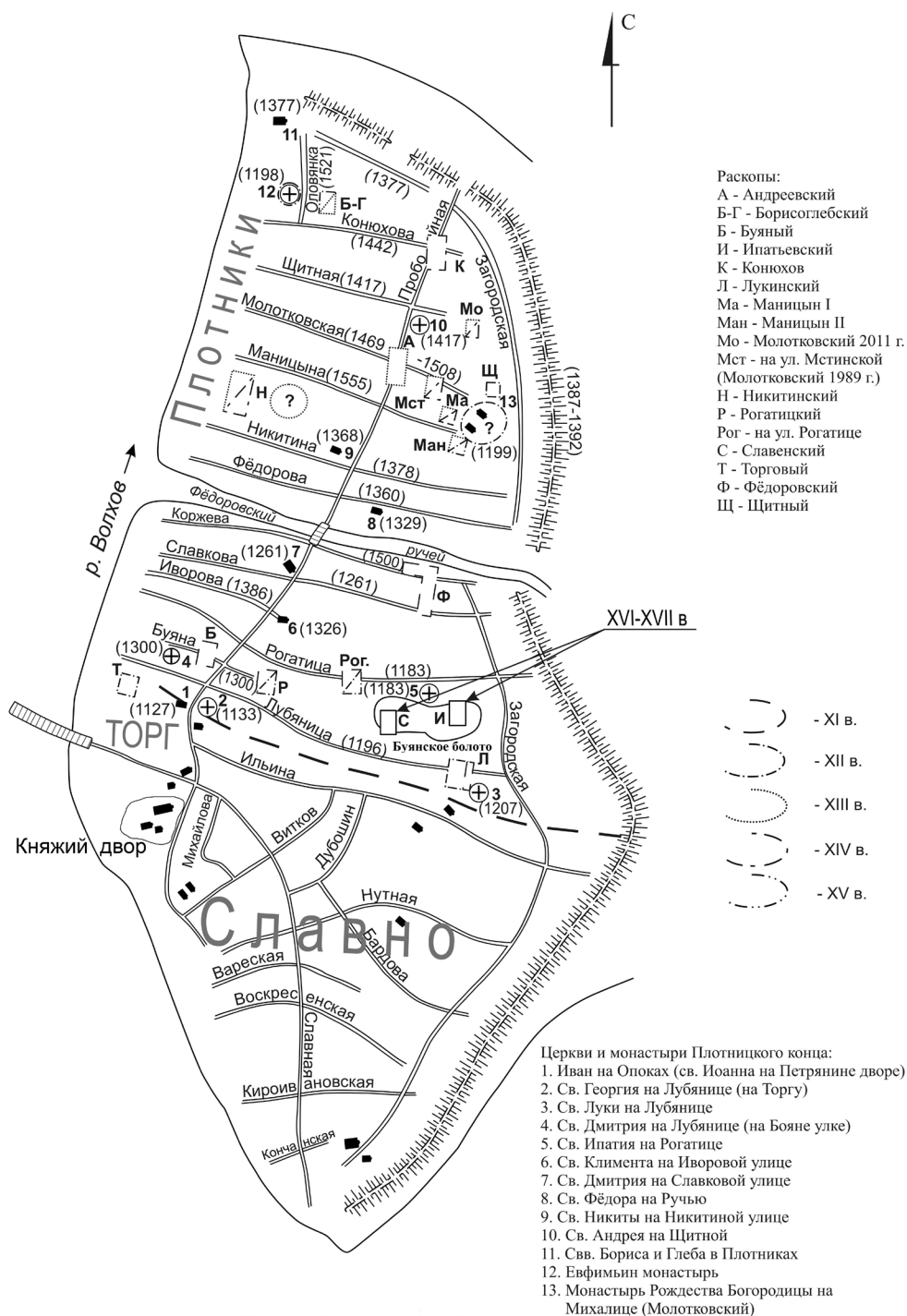

Рис. 1. Торговая сторона средневекового Новгорода

С основными выводами В. А. Букова можно согласиться. Надо лишь добавить, что крупнейший «внекончанский посад» на протяжении XI–XIII в. формировался на Торговой стороне к северу от Славна, где в дальнейшем и был образован Плотницкий конец, населением которого стала часть жителей Княжей сотни, поселившихся здесь³.

Эти новые жители Торговой стороны, в известном смысле противопоставленные «славенским аборигенам» [Алешковский, с. 104; Янин, 1982, с. 91], на протяжении XI — начала XII в. осваивают территорию от Славенского поселка до Плотницкого (Федоровского) ручья, что подтверждается археологическими данными [Хорошев, 1978; Воронова; Торопова, Тарабардина; Дубровин, Тарабардина, 2004; Гайдуков, Олейников].

В последней трети XI в. княжеская резиденция вновь возвращается на Городище [Носов, 1990, с. 208], однако нет никаких оснований считать, что княжеский двор в городе утрачивает полностью свое значение. Строительство в 1113 г. Мстиславом Владимировичем каменной церкви св. Николая на Дворище и в 1127 г. Всеволодом Мстиславичем храма св. Иоанна на Петрятине дворе, а также церкви Успения Богородицы на Торговище в 1136 г., венчание князя Святослава Ольговича в 1137 г. с дочерью Петраты в церкви св. Николая «своими попы»⁴ свидетельствуют о том, что новгородские князья, по крайней мере, на протяжении XII в. не оставляли своей городской резиденции на Ярославовом дворе⁵.

Судя по всему, и княжеский административный контроль над населением части Княжей сотни, проживавшей во «внекончанском посаде» Торговой стороны, в это время все еще оставался в силе. Более того, вполне вероятное присутствие в числе жителей данной территории осевших в Новгороде людей из княжеского окружения, в частности гридей и огнищан⁶, могло повлиять на характер отношений этого района города с князьями.

Многие исследователи, основываясь в первую очередь на «Уставе князя Ярослава о мостех», считали, что люди из княжеского окружения селились в Новгороде компактно — поблизости от резиденции князя и Торга [Пресняков, 1909, с. 231; Павлов-Сильванский, с. 453; Насонов, с. 44; Носов, 1989, с. 48–49]⁷. При этом некоторые из ученых полагали, что усадьбы огнищан располагались в Славенском конце [Пресняков, 1993, с. 195; Носов, 1989, с. 47–48], а В. Л. Янин вообще считает огнищан славенскими боярами [Янин, 1977, с. 107]⁸.

Однако и резиденция князя, и дворы людей его окружения в XI–XII в. вряд ли могли располагаться на кончанской территории⁹. Скорее всего, эти дворы следует искать за пределами

³ Собственно, примерно о том же писал и В. А. Буков, который считал, что Плотницкий конец был образован на исходе XII в. за счет посада (Подола), представлявшего собой всю территорию Торговой стороны к северу от Торга и входившего в состав Княжей сотни, то есть «городского домена князя» [Буков, 1988]. Хотя вряд ли можно согласиться с приводимой им датой образования Плотницкого конца (см.: [Дубровин, 2009б; Дубровин 2009в; Дубровин 2013]).

⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 20, 204; 21, 206; 23, 208; 24, 209.

⁵ Которая, вероятно, использовалась параллельно с основным княжеским двором на Городище [Носов, 1990, с. 208]. Не исключено, что функции городской княжеской резиденции Дворище выполняло и в XIII — начале XIV (?) в. [Янин, 2004, с. 73–74].

⁶ Под огнищанами мы, вслед за Е. Н. Носовым, подразумеваем «представителей высшего слоя княжих мужей, поселившихся в (Нов)городе... и постепенно, по мере роста своей экономической самостоятельности, вливавшихся в состав новгородской аристократии, сохраняя при этом традиционные связи с княжеской властью» [Носов, 1989, с. 48].

⁷ Согласно «Уставу о мостех», за огнищанами закреплён участок мощения близ Торга и княжеской резиденции: «...мостити... тысячьскому до вошникъ, от вошникъ посаднику до Великого ряду, от Великого ряду князю до Нѣмѣчкого вымола, нѣмѣць до Ивана вымола, гтомъ до Алфредова вымола до заднего, а от Алфредова вымола *огнищаномъ* (курсив мой. — Г. Д.) до Будятина вымола, ильинцамъ до Матфѣева вымола, михайловцамъ до Бардовы улицѣ, а виковцамъ до Климятиныхъ сѣней...» (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 151).

⁸ Причиной здесь послужило то, что, как показал В. Л. Янин, зона ответственности огнищан за мощение располагалась к югу от Готского двора [Янин, 1977, с. 105–107], из чего делался вывод, что поблизости от этой зоны они и жили [Там же, с. 107]. Однако не все ответственные за мощение определялись по территориальной привязке к конкретным участкам. Взяв хотя бы участки тысяцкого, посадника, ильинцев (все-таки жителей Ильиной улицы, а не прихожан церкви св. Ильи на Славне, как считает В. Л. Янин [Там же]; см.: [Буков, 1994, с. 89–90]). Огнищане представляли собой группу должностных лиц княжеской администрации, проживание которых вблизи Княжего двора вполне обоснованно, но, сколь компактно и где располагались их усадьбы, из текста Устава прямо не следует.

⁹ Здесь надо учитывать изначальную экстерриториальность княжеской городской резиденции по отношению к Славну, обусловленную вторичностью княжеского института в Новгороде. При этом следует отметить, что в дальнейшем Ярославово дворце, по-видимому, было включено в состав Славенского конца (см.: [Орлов, с. 94]).

Славна, то есть в первую очередь на подходивших с севера к Торгу землям будущего Плотницкого конца, в его южной части, недалеко от Дворища [Дубровин, 2007б]. Более того, богатые усадьбы А и Ж Федоровского раскопа, располагавшегося на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья, то есть у самой границы города конца XI — первой половины XIII в., вполне могли принадлежать состоятельным княжеским слугам [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 228–229; Дубровин, Тарабардина, 2015], что еще более расширяет территориальные границы возможной локализации данной категории населения Новгорода.

В течение XII — первой половины XIII в., по мере того как Новгород в виде федерации трех древнейших концов¹⁰ обретает все бóльшую самостоятельность и движется в сторону республиканского государственного устройства, внекончанское население, жившее на Торговой стороне между Славно и Плотницким ручьем, вероятно, по-прежнему остается в рамках непосредственно подчиненной князю Княжей сотни.

В летописных источниках, описывающих этот период, не используются никакие специальные термины для обозначения предшественников будущих плотничан¹¹. Обычно они фигурируют, наряду с жителями Славенского конца, как «ониполовици» или «Търговьи полъ». Поэтому не всегда понятна степень их участия в тех или иных политических событиях. Так, например, в статье, посвященной конфликту 1157 г., говорится о том, что «Търговьи полъ» с оружием встал на сторону суздальского князя Мстислава Юрьевича против жителей Софийской стороны, поддерживающих Ростиславичей¹². Но можно ли говорить о сложившемся единстве всех жителей Торговой стороны во время таких конфликтов? Союз «прокняжеских» внекончанских «ониполовичей» с жителями Славенского конца мог быть обусловлен в какой-то степени их совместным проживанием на Торговой стороне¹³, но главные причины такого рода временных альянсов, безусловно, были другими. Здесь следует сразу подчеркнуть, что предпосылок для устойчивого единства «внекончанского посада» Княжей сотни Торговой стороны и славенского кончанского населения просто не могло быть ввиду принципиальной разницы в политическом и социальном статусе указанных групп. Отсюда вытекали и разные задачи (в самом широком смысле слова), которые и обуславливали их отнюдь не тождественные роли во внутренней жизни Новгорода. Что же касается временных объединений всех жителей Торговой стороны, то они могли быть связаны, например, с поддержкой тех или иных князей, пребывание которых на новгородском столе по разным причинам удовлетворяло и Славенский конец, и его внекончанских соседей. Так могло быть, скажем, в случае с князем Мстиславом Юрьевичем (см. выше). Однако о перманентном единстве Торговой стороны говорить не приходится ни в «докончанский» период истории Плотницкого конца, ни, тем более, позднее, во время его пребывания в статусе одного из пяти полноправных членов Новгородской городской федерации.

Первое упоминание плотничан как таковых в письменных источниках связано с выступлением части новгородцев против прусского посадника Твердислава в 1219 г. В соответствующей статье Летописи Авраамки мы читаем: «...идоша Неревляне, Плотничане, Славяне на посадника Твердислава, и на Загородци и на Люднци...»¹⁴. Здесь, казалось бы, перечислены представители всех пяти новгородских концов, однако это вовсе не свидетельствует о том, что в это время все

¹⁰ Используя здесь и далее по отношению к Новгороду термин «федерация», следует подчеркнуть его условность, поскольку Новгородская республика отвечала далеко не всем признакам федеративного государства (подробнее см.: [Дубровин, 2009в, с. 101, примеч. 1]).

¹¹ Несколько раз упоминаются жители Лубяницы: «...Коровъ Якович с Лубянци улицъ...» (1196 г.; ПСРЛ. Т. III. С. 235); «...и послаша по Михаила въ Църниговъ... Гаврилу на Лубяници» (1228 г.; ПСРЛ. Т. III. С. 67); «...Нѣгутина на Лубяници...» (1234 г.; ПСРЛ. Т. III. С. 73).

¹² ПСРЛ. Т. III. С. 30, 217.

¹³ В отличие от А. В. Петрова (см.: [Петров]), я не склонен расценивать противостояние Софийской и Торговой сторон Новгорода как ключ для объяснения многих внутригородских конфликтов.

¹⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. Стб. 49.

указанные концы уже оформились. В Синодальном же списке Новгородской первой летописи в статье, посвященной тем же событиям, упоминаются неревляне, «ониполовици», жители Людина конца, «загородци» и «прусы»¹⁵. Похоже, что реалии второго десятилетия XIII в. в большей степени отражены в последнем случае¹⁶: Неревский и Людин концы уже существуют, жители пока еще не оформившегося Загородского конца территориально разделены на загородцев как таковых и прусов (то есть жителей Прусской улицы), а обитатели Торговой стороны, где в это время имелся только один Славенский конец, и внекончанское население к северу от него объединены под именем «ониполовици».

На самом деле первые признаки существования «новых» Загородского и Плотницкого концов как равноправных членов Новгородской городской федерации появляются только в конце XIII в. Сам же процесс формирования Плотницкого конца происходил в течение второй половины XIII в. и был во многом обусловлен городским освоением территории к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья (урочище Плотники). Все это нашло свое отражение как в археологическом материале, так и в косвенных свидетельствах письменных источников [Дубровин, 2007а, с. 25–27; Дубровин, 2013, с. 41–51].

Итак, к концу XI — началу XII в. северная граница освоенной городом территории Торговой стороны выходит на Плотницкий (Федоровский) ручей, где и остается неизменной вплоть до второй половины XIII в. [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 225–226; Дубровин, 2003, с. 213].

Земли южной половины будущего Плотницкого конца (к югу от ручья) заселялись довольно неравномерно. С одной стороны, по данным Федоровского раскопа, у самой городской границы на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья уже к началу XII в. существовала интенсивная застройка [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 226], в то время как расположенный рядом с Торгом прибрежный участок, изученный на Торговом раскопе, был заселен только в последней трети XII в. [Колчин, Янин, с. 41], а на территории между улицами Лубяницею и Рогатицей¹⁷, частично исследованной на Славенском и Ипатьевском раскопах, вплоть до XVII в. оставались значительные неосвоенные участки, что было связано с находившимся здесь Буянским болотом [Хорошев, 1978, с. 194–195; Ершевский, Северинов, 1993] (рис. 1).

Археологические данные свидетельствуют о заметной имущественной и социальной дифференциации внекончанского населения территории будущего Плотницкого конца. Так, на Федоровском раскопе представлены различные по размерам и планировке усадьбы Славковой и Коржевой улиц¹⁸, на которых проживало как небогатое ремесленное население, так и весьма зажиточные люди. Как уже говорилось выше, вполне вероятна связь последних (по крайней мере, кого-то из них) с княжескими властными структурами [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 228–229; Дубровин, Тарабардина, 2015].

На усадьбах ремесленников Федоровского раскопа обнаружены следы бронзолитейного производства и металлообработки, а также сапожного производства [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 224–225]. Особый интерес представляют археологические свидетельства существования здесь косторезных мастерских, где, в частности, осуществлялось уникальное по своим масштабам производство изделий из моржового клыка [Смирнова, 1996; Смирнова, 1998]. В середине XIII в. на двух усадьбах Коржевой улицы появляются мастерские по обработке янтаря. Характерно, что

¹⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 58.

¹⁶ Что подтверждается также и большей хронологической близостью, по сравнению с Летописью Авраамки, к описываемым событиям части Синодального списка Новгородской первой летописи со статьей 1218 г.

¹⁷ Известных с конца XII в. (см. ниже).

¹⁸ Это противоречит выводам А. С. Хорошева, сделанным на основе анализа материалов Ильинского раскопа, что сотенное население проживало на однотипных небольших узких и вытянутых дворах [Хорошев, 1997, с. 413–415].

в дальнейшем (вторая половина XIII — XIV в.) изготовлением украшений из янтаря начинают заниматься обитатели и других исследованных на раскопе коржевских усадеб, то есть на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья образуется целый квартал с единой ремесленной специализацией [Шаповалов, 2001; Шаповалов, б. г.].

О занятиях населения торговлей свидетельствуют археологические материалы с различных раскопов, а также исследованная на Буяном раскопе купеческая усадьба второй половины XII — первой трети XIII в., обитатели которой торговали, судя по текстам берестяных грамот, скотом, кожевенными и галантерейными товарами, а кроме того, сырьем для цветной металлургии [Хорошев, 1978, с. 183]. По-видимому, также купцу, торговавшему металлическими изделиями (ножами и замками), могла принадлежать усадьба, исследованная на Торговом раскопе [Колчин, Янин, с. 41].

С конца XII в. письменным источникам известны две будущие плотницкие улицы к югу от Плотницкого (Федоровского) ручья: Лубяница (1196 г.)¹⁹ и Рогатица (1183 г.)²⁰. Судя по археологическим данным, в 20-е годы XII в. появляются первые мостовые на Буяной улице [Хорошев, 1978, с. 177]; с 80-х годов XI в. существует Славкова улица, и приблизительно с того же времени на месте Коржевой улицы прослеживается дорога с продольным замощением — «протоулица» [Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 227].

На будущей плотницкой территории в XII — начале XIII в. наблюдается довольно активное церковное строительство.

В 1127 г. по указанию князя Всеволода Мстиславича возводится каменная церковь св. Иоанна на Петрятине дворе (на Опоках), ставшая впоследствии кончанским собором Плотницкого конца²¹. В 1184 г. храм был перестроен архиепископом Ильей-Иоанном и его братом Гавриилом²².

В 1133 г. была построена деревянная церковь св. Георгия на Лубянице («на Търговищи»)²³.

Храм св. Ипатия Гангрского на Рогатице основали в 1183 г. некие Радко с братом²⁴. Поздняя Новгородская третья летопись сообщает, что храм был каменным²⁵, но это вызывает сомнения. Таким образом, в это время на Рогатице проживали весьма зажиточные люди, которые были способны финансировать церковное строительство. Более того, некоторые данные позднейшего времени позволяют предположить довольно знатное происхождение ипатьевских ктиторов, вплоть до родства с княжеским домом [Дубровин, 2009а, с. 62—69].

Первое упоминание церкви св. Луки на Лубянице датируется 1207 г.: «Поставиша церковь святого Луки на Лубянкѣ улицы, перенесѣше с Колѣнкѣ [Колоно], Володаревичѣ и Носовици...»²⁶. Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства.

1. Церковь на Лубянице строят два семейства (рода), то есть дети (потомство) неких Володаря и Носа. Имя Володарь является одним из производных имени Владимир, представленного в древнерусской княжеской ономастике²⁷. Однако у людей не княжеского происхождения в XI—XIII в. оно не прослежено. Наш случай пока является исключением. Что

¹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 42, 235. По археологическим данным Лукинского раскопа, первые мостовые улицы относятся к XII в. (началу?) [Торопова, Тарабардина] или даже к концу XI в. [Гайдуков, Олейников, с. 21].

²⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 37, 227. По археологическим данным раскопа на ул. Рогатице, первые мостовые датируются XI — первой половиной XII в. [Воронова, с. 18].

²¹ ПСРЛ. Т. III. С. 21, 206.

²² Там же. С. 37, 227.

²³ «...церкви сърубиша 2 деревянкѣ на Търговищи: святую Богородицю и святого Георгия...» (ПСРЛ. Т. III. С. 23). То, что здесь имеется в виду храм на Лубянице, подтверждается рядом летописных сообщений (Там же. С. 364, 401, 423); см. также: [Янин, 2004, с. 400]. Неопределенность в территориальной привязке данной церкви связана с ее местоположением. С одной стороны, она действительно находилась на краю Торга, а с другой — на Лубянице, выходящей к Торгу.

²⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 37, 227.

²⁵ Новгородские летописи. Рязань, 2002. С. 194.

²⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 50.

²⁷ См., например: Володарь (Владимир) Ростиславич (ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 196, 241, 244 и т. д.), Володарь Глебович (ПСРЛ. Т. III. С. 32, 220).

же касается Носа, то это прозвище было весьма распространенным [Зализняк, 2004, с. 261, 332, 595—596; Веселовский, с. 223]. Взять хотя бы известных плотницких посадников Есифа Захарыничича и его сына Василия Есифовича (вторая половина XIV — начало XV в.), носивших фамильное прозвище Нос [Дубровин, 2004, с. 16—18; Дубровин, 2010, с. 118—119].

2. В летописной статье речь идет о переносе церкви св. Луки на Лубяницу с Колена (Колона). Местоположение Колена определяется в статье Новгородской первой летописи за 1230 г., в которой говорится об учреждении скудельницы во время мора «...на Колѣни за святымъ Рождествомъ...», то есть за монастырем Рождества Христова на Поле²⁸. Термин «колени» в топонимике обозначает крутой изгиб или узкое место реки, выступающую часть суши, мыс, небольшой речной плес, разлив, мелководье²⁹. Как видим, перечисленные природные объекты связаны, в основном, с реками и ручьями, которых в данной местности довольно много: к востоку от Рождественского монастыря протекает ручей Тарасовец, за ним — р. Лешовня (Жилотуг), а далее — Малый Волховец. Резких поворотов русла у этих проток на данном участке как будто бы не наблюдается, однако в месте впадения Тарасовца в Лешовню были разливы-плесы. Не исключено, что где-то здесь и могло находиться поселение Колени, вероятно, периодически подтапливаемое водой³⁰. По-видимому, последнее обстоятельство и явилось причиной того, что поселение было заброшено, а церковь св. Луки перенесена на Лубяницу.

К рассматриваемому периоду относятся и первые опыты монастырского строительства в окрестностях и на территории будущего Плотницкого конца.

В 1196 г. в Кирилловом монастыре на Нелезине острове был построен каменный храм св. Кирилла. Соответствующая статья в Синодальном списке Новгородской первой летописи свидетельствует, что заложили каменную церковь «святого Кюрила въ монастыри въ Нѣлезѣнѣ Къснѣтинѣ и Дмитръ братеника на Лубяниѣ улицѣ»³¹. Судя по этому тексту, Константин и Дмитр являлись жителями улицы Лубяницы. Кириллов же монастырь, который существовал, по-видимому, еще до 1196 г., находился в четырех верстах к востоку от Новгорода на Селезневе (Нелезене) острове, образованном реками Малым Волховцом и Лешовней (Жилотугом) [Макарий (Миролюбов), с. 506; Петрова и др., с. 142].

В то же время Академический список Новгородской первой летописи дополняет процитированную статью: «Заложиста церковь камену святого Кирила в монастырѣ в Нелѣзенѣ Коснѣтинѣ и Дмитръ, братеника [а мастер бѣше] Коровъ Якович с Лубяниѣ улицѣ...»³². То есть здесь, с одной стороны, появляется мастер-строитель, однозначно связанный с Лубяницей, Коров Якович³³, а с другой — пропадает территориальная привязка братьев-ктиторов³⁴. Развивая эту версию, более поздние летописи или превращают основателей Кирилловской церкви в посадников Корованковичей³⁵, или же и братьев, и Корова Яковича называют жителями Лубяницы и основателями храма³⁶.

Если сопоставить обе версии, то, по-видимому, предпочтение можно было бы отдать сообщению Синодального списка, представляющего собой Старший извод Новгородской

²⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 71. Кстати, это первое упоминание монастыря Рождества Христова на Поле, находившегося поблизости от восточной границы территории Плотницкого конца.

²⁹ Новгородский областной словарь. Великий Новгород, 1993. Вып. 4. С. 81; Мирзоев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 284.

³⁰ Как и большая часть восточных окрестностей Новгорода.

³¹ В цитате убраны запятые, проставленные при публикации Новгородской первой летописи, поскольку они порождают неверные толкования данного текста, вплоть до того, что Кириллов монастырь и Нелезин остров находились на Лубянице (см. ПСРЛ. Т. III. С. 42, примеч. 1: «Монастырь находился, по-видимому, не на Лубяной улице...»).

³² ПСРЛ. Т. III. С. 235.

³³ См. [Веселовский, с. 156—157]: имена Корова, Коровка (XVI—XVII в.).

³⁴ Хотя, не исключено, что вставка о Корове Яковиче просто произвела разрыв в изначальном тексте, где речь шла только о братьях Константине и Дмитре. Сама же вставка вполне может нести в себе достоверную информацию, появившись вследствие редактур конца XII в. Благодарю Алексея Алексеевича Гиппиуса за консультацию по этому вопросу.

³⁵ Новгородские летописи. С. 197.

³⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. (список Никольского). С. 591.

первой летописи, однако и вторая версия заслуживает внимания, так как может быть основана на независимом источнике³⁷.

Какую дополнительную информацию можно связать с упомянутыми выше персонажами? В статье Синодального списка за 1181 г. говорится: «загорѣся пожаръ въ Славнѣ от Къснятина (двора)», в результате чего сгорели располагавшиеся около Дворища церкви Михаила Архангела и св. Отец, а также пострадали многие дворы по берегу Волхова «оли и до Ручья»³⁸. Кроме того, в 1191 г. некие Коснятин с братом (имя последнего не названо) строят церковь св. Параскевы Пятницы на Торговице³⁹.

Можно было бы считать, что и здесь, и в сообщении о строительстве Кирилловской церкви имеются в виду одни и те же лица. Однако несколько смущает местоположение «Къснятина двора», который летописец относит к Славну, чего никак нельзя сказать об улице Лубянице. Или эта улица в конце XII в. относилась к Славенскому концу, или все-таки Константин из сообщения о пожаре 1181 г. несопоставим с Константином с Лубяницы, братом Дмитра?

В общем, пока нет полной ясности с сообщением о пожаре 1181 г., можно ограничиться констатацией того, что в конце XII в. на улице Лубянице жили весьма зажиточные братья Константин и Дмитр, которые выстроили каменный храм в Кирилловом монастыре и, может быть, церковь св. Параскевы Пятницы на Торгу.

Вернемся к версии Академического списка. Из нее следует, что на Лубянице же (в дальнейшем — улице Плотницкого конца), вероятно, жил и мастер-строитель Коров Якович. Не исключено, что проживание этого человека довольно редкой и ценной для того времени профессии на внекончанской территории могло быть обусловлено, с одной стороны, его новгородским происхождением, а с другой — его возможной связью с княжеским двором. Вполне вероятно, что деятельность Корова Яковича (единственного после Петра⁴⁰ зодчего в Новгороде, названного летописью по имени [Каргер, с. 27]), не ограничилась только Кирилловской церковью. Ведь новгородское каменное церковное строительство в 80-е годы XII — начале XIII в. было весьма интенсивным [Булкин, с. 217–223]. Однако для определения того, к каким из церковных зданий того времени Коров Якович «приложил руку», необходим специальный архитектурный анализ остатков Кирилловской церкви и сравнение ее характеристик с другими аналогичными постройками. Можно лишь отметить, что, по мнению М. К. Каргера, ближайшим аналогом храма Кириллова монастыря является церковь Спаса на Нередице, возведенная по указанию князя Ярослава Владимировича в 1198 г. [Каргер, с. 24, 258], а В. А. Булкин вообще достаточно уверенно утверждает, что Нередицкая церковь была построена именно артелью Корова Яковича (одной из двух работавших в то время в Новгороде строительных артелей), которая выполняла, главным образом, заказы светских лиц [Булкин, с. 222–223].

Как уже говорилось выше, северная граница Торговой стороны Новгорода по Плотницкому (Федоровскому) ручью на протяжении более 100 лет (конец XI — середина XIII в.) сохранялась неизменной. За ручьем (урочище Плотники) находилась, по-видимому, частично заболоченная и плохо приспособленная для жизни местность с отдельными догородскими поселениями, где в конце XII в. были основаны два загородных монастыря.

Одно из таких поселений, возможно, домонгольского времени (первая треть XIII в. и ранее?), судя по всему, с востока соседствовало с территорией, обследованной на Никитинском раскопе, там, где наблюдалось повышение палеорельефа, связанное с первой береговой террасой. «Археологическим следом» этого гипотетического поселка является вещевой материал из

³⁷ См. примеч. 34.

³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 37.

³⁹ Там же. С. 39, 230.

⁴⁰ Строитель Георгиевского собора в Юрьеве монастыре 1119 г. (Новгородские летописи. С. 189). Существует мнение, что Петр участвовал также в строительстве церкви Благовещения на Городище (1103 г.), Николо-Дворищенского собора (1113 г.) и собора Рождества Богородицы в Антонове монастыре (1117 г.) [Кушнер, с. 15].

ранних, так называемых «доярусных», лишенных застройки напластований указанного раскопа. Датированные находки позволяют отнести нижний уровень этих напластований к началу — первой половине XIII в., то есть к периоду, предшествующему городскому освоению северной части будущей территории Плотницкого конца. Показательно, что упомянутый ранний вещевой материал (актовые печати, связанные с торговыми операциями пломбы дрогичинского типа, оружие, украшения и т. д.) свидетельствует о сравнительно высоком имущественном и, может быть, социальном статусе его носителей, что в какой-то степени может пролить свет на характер данного догородского поселения [Дубровин, Козлова, Федорук, с. 23–25; Дубровин, 2010, с. 45–51].

Еще один ранний поселенческий комплекс находился около Евфимьина монастыря, основанного в северо-западной части урочища Плотники в 1197 г., Евфимией (?) — женой боярина Людина конца Полюда Городьшиница, дочерью славенского посадника Жирошки (Жирослава) («...Полюжая Городьшиница Жирошкина дъци...»)⁴¹.

Вскоре после учреждения указанного монастыря рядом с ним появляется поселение, изученное на Борисоглебском раскопе. Здесь были зафиксированы три средневековые усадьбы. Судя по археологическим данным, освоение исследованной на раскопе территории начинается в конце XII в., а в начале XIII в. появляется постоянная застройка, которая стабилизируется во второй половине (третьей четверти?) XIII — первой четверти XIV в. [Степанов и др.].

Среди находок раскопа есть вещи, свидетельствующие о близости монастыря. Наиболее интересна грамота № 973, которая содержала надпись «геонегоне». По мнению А. А. Зализняка и В. Л. Янина, эту запись следует читать [геон'огон'] и понимать как сочетание [геон'огон'] «гееннский огонь», записанное так, как если бы это было единое слово [Зализняк, Янин, с. 8–9, 11]. Из прочих находок примечательны актовая печать с редким типом изображения Богоматери Знамение, писало, книжная заставка, обломок иконки из свинцово-оловянистого сплава с изображением свв. Бориса и Глеба, энколпион и т. д. Вызывают интерес 60 фрагментов плинфы (производственный брак), найденных в ранних напластованиях [Степанов и др., с. 75–79; Мусин, Степанов].

Уличных настилов на территории раскопа не обнаружено, но руководитель раскопок А. М. Степанов считает, что южные усадебные комплексы были ориентированы на Конюхову улицу, а северная усадьба имела выход с западной стороны на какой-то переулок или небольшую улицу Оловянку, известную по поздним источникам [Степанов и др., с. 67].

Однако существование упомянутых улиц как части городской застройки в XIII в. весьма проблематично, так как, по данным Конюхова раскопа, самые ранние мостовые Конюховой улицы и сооружения, зафиксированные на небольшом расстоянии к востоку от места ее пересечения с Плотницкой Пробойной, датируются 50-ми годами XIV в. [Тарабардина, 2007, с. 17, 19]. Первое упоминание Конюховой улицы в письменных источниках датируется 1442 г., Оловянки — 1521 г.⁴² Что же касается поселенческого комплекса, исследованного на Борисоглебском раскопе, то вряд ли можно на ранней стадии связать его с городским освоением этой местности, так как, судя по археологическим данным, даже территории к югу от участка, исследованного на раскопе, начинают приобретать городские черты лишь во второй половине XIII в. [Степанов, с. 14–21; Степанов, Соловьев, с. 21–23]. По-видимому, застройка Борисоглебского раскопа, по крайней мере в первой половине XIII в. (а может быть, и несколько позднее), связана именно с догородским поселением, образовавшимся около Евфимьина монастыря вскоре после его основания (или даже одновременно с ним). В дальнейшем это поселение вошло в городскую черту. Ориентировка же усадеб раскопа на ранней стадии была связана с дорогами, вначале обусловленными планировкой монастыря и

⁴¹ ПСРЛ. Т. III. С. 43, 237; [Дубровин, 2008, с. 109–117].

⁴² ПСРЛ. Т. III. С. 423; М., 2004. Т. XLIII. С. 216.

примыкавшего к нему поселения, а в дальнейшем определившими трассы улиц Конюховой (на близлежащем участке) и Оловянки.

Михалицкий монастырь Рождества Богородицы был основан в юго-восточной части урочища Плотники в 1199 г. женой князя Ярослава Владимировича: «...постави церковь княгини Ярославля на Михалици манастирь святыя Богородиця Рожьство»⁴³. Однако есть основания полагать, что монастырь был учрежден рядом с уже существовавшим догородским поселением. Одним из аргументов в пользу этой версии является сам топоним «Михалица», отраженный в сообщении Новгородской первой летописи об основании монастыря и далее постоянно повторяющийся в названии этой обители. Данный топоним, несомненно происходящий от имени Михаил, заставляет думать, что под Михалицей следует понимать поселение, а не какую-то незаселенную местность, так как топонимы, образованные от антропонимов и не содержащие природно-географических определений, чаще всего бывают связаны с населенными пунктами.

Лишь в «Семисоборной росписи», датируемой по В. Л. Янину 1463–1508 г., Рождественский монастырь впервые привязан к Молотковой улице⁴⁴: «На Молоткове улицы манастирь женъской на Михалици церковь Рожество Пречистые»⁴⁵. В дальнейшем название Молотковский используется наравне с прежним наименованием Михалицкий, причем в ряде случаев эти термины соседствуют в одном и том же тексте (как это было и в «Семисоборной росписи») ⁴⁶.

На существование поселения как будто бы указывает и поздняя легенда о «хлебе Пречистой», представленная в Новгородской третьей летописи, где повествуется о том, что за год до основания обители на этом месте произошло чудо. Некий человек, который возвращался из церкви с освященным хлебом, заснул. Когда подбежавшие собаки пытались выхватить из его рук хлеб, завернутый в платок, от платка изошел огонь. При этом говорится, что «людие же бяху назираху его из домовъ своихъ...» и «видѣвше же мужи мѣста оного притекше отогнаша псовъ...»⁴⁷, что подразумевает наличие какого-то населения в окрестностях будущего монастыря.

В пользу того, что Михалица могла быть не просто догородским поселком, но селом с церковью прп. Михаила Малеина⁴⁸, свидетельствуют, во-первых, еще одна поздняя легенда из так называемой Молотковской летописи о явлении княгине-ктиторше прп. Михаила⁴⁹, а во-вторых, то, что в дальнейшем (не позднее 1646 г.) в храме Рождества Пречистой появляется придел прп. Михаила Малеина⁵⁰. Затем этот придел переносится в построенную в 1555 г.

⁴³ ПСРЛ. Т. III. С. 44, 238. Монастырь был построен, равно как и храм Спаса на Нередице, по-видимому, в память умерших в 1198 г. сыновей княжеской четы Изяслава и Ростислава (ПСРЛ. Т. III. С. 44, 237); [Пивоварова, с. 153]. Игуменей в Михалицкий монастырь была поставлена жена неревского посадника Завида Неревинича (ПСРЛ. Т. III. С. 44); [Гиппиус, 2005].

⁴⁴ Самые ранние мостовые этой улицы датируются, по археологическим данным, 70-ми годами XIII в. [Тарабардина, 2003, с. 180–185; Степанов, Соловьев, Тихонов, с. 284], то есть приблизительно на 70 лет позднее летописной даты основания монастыря. По-видимому, на месте улицы изначально находилась дорога, ведущая к монастырю от берега Волхова.

⁴⁵ [Янин, 2004, с. 400]. Топоним Молотково (кстати, упомянутый в «Семисоборной росписи» впервые), относящийся к объекту, называвшемуся ранее Михалица, вопреки широко распространенной гипотезе, вероятно, не был обусловлен ремесленной терминологией. Как показал В. Л. Васильев, он производится от имени Молотъко, весьма популярного в западнорусской, преимущественно полабско-поморской языковой области [Васильев, с. 347].

⁴⁶ Новгородская вторая летопись (70-е годы XVI в.): на Михайлове (Новгородские летописи. С. 13), Молотковский (Там же. С. 34), Михалицкий (Там же. С. 57), Михалицкий (Там же. С. 115); Новгородская третья летопись (70–80-е годы XVII в.): Михалицкий, Молотковский (Там же. С. 198–200), Михалицкий, Молотковский (Там же. С. 243), Михалицкий (Там же. С. 334).

⁴⁷ Новгородские летописи. С. 198–200.

⁴⁸ Связь между названием села и посвящением церкви очевидна.

⁴⁹ «...видя княгиня Ярославля Елена сонъ: явися бо тогда преподобный отецъ нашъ Михаилъ Малеинъ, и постави княгиня церковь Пресвятой Богородицы въ обители на Михалицѣ» [Макарий (Миролюбов), с. 333, примеч. 226].

⁵⁰ Второй придел, по сообщению Переписной книги Новгорода Великого 1646 г., — св. Николая Чудотворца (Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–XVIII вв. СПб., 2003. С. 84). Наличие двух приделов в этом храме отражено уже в Описи Новгорода 1617 г. (Опись Новгорода 1617 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. С. 60 — там упоминаются «3 двери царские»), хотя в Росписи новгородских монастырей и церквей 1615 г. назван только один из них — прп. Симеона Дивногольца [Евгений (Болховитинов), с. 162]. Сразу же возникает вопрос: кому был посвящен в 10-е годы XVII в. второй придел — св. Николаю или прп. Михаилу Малеину? При этом не следует забывать, что в «Семисоборной росписи» упомянут единственный придел Рождественского храма — «на полатех Покров» [Янин, 2004, с. 400].

монастырскую каменную трапезную церковь. В соответствующей статье Новгородской третьей летописи трапезный храм назван Благовещенским⁵¹, однако в Росписи новгородских монастырей и церквей 1615 г. архимандрита Киприана он именуется церковью Собора Богородицы [Евгений (Болховитинов), с. 162]. Это наименование сохранилось и поныне, а придел прп. Михаила Малеина достоверно известен в указанном храме с начала XIX в. [Передольский, с. 129]. По-видимому, данный придел был перенесен в трапезную церковь после 1646 г., когда он еще упоминался как придел основного монастырского храма Рождества Богородицы (см. выше), однако в Истории Российской иерархии говорится о том, что трапезная церковь, сооруженная в 1557 г. (?), была изначально посвящена прп. Михаилу Малеину [Макарий (Миролюбов), с. 335], а Р. Г. Игнатьев, ссылаясь на некий древний акт, писал о том, что к 1555 г. относится перестройка более ранней церкви прп. Михаила Малеина, ее переосвящение в честь Собора Богородицы и устройство трапезной палаты [Секретарь, с. 318]. Как видим, вопрос достаточно запутан, и, к сожалению, никакой дополнительной информацией на сей счет мы не располагаем.

С 10-х годов XVII в. в Михалицком монастыре активизируется почитание прп. Михаила Малеина и учреждается крестный ход в день его поминовения (12 июля). Однако это было уже связано с тем, что преподобный Михаил являлся небесным покровителем царя Михаила Федоровича [Передольский, с. 130].

Как бы там ни было, но приведенные факты скорее свидетельствуют в пользу того, что село Михалица с церковью прп. Михаила Малеина существовало еще до основания в 1199 г. Михалицкого (Молотковского) монастыря Рождества Богородицы. Такого мнения придерживались И. И. Красов [Красов, с. 119], В. С. Передольский [Передольский, с. 129–130] и архимандрит Макарий [Макарий (Миролюбов), с. 331]. И хотя первые два исследователя полагали, что Михалицей могли называться или поселение, или древняя городская улица в данной местности, тем не менее, об улице вряд ли можно здесь говорить, так как это противоречит кругу источников, свидетельствующих о том, что в конце XII в. городское освоение еще не коснулось находившегося к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья урочища Плотники, где и располагался Михалицкий монастырь [Дубровин, 2009б, с. 102–103]. Тем более, вряд ли княгиня стала бы основывать новую обитель в пределах городской черты. Из современных авторов, касавшихся этой темы, следует упомянуть В. Л. Васильева, который считает, что Молотково (то есть Михалица? — Г. Д.) первоначально было наименованием небольшого поселения на территории (будущего? — Г. Д.) Плотницкого конца [Васильев, с. 347].

Основание на будущей плотницкой территории Евфимьина и Михалицкого монастырей, в свою очередь, подтверждает то, что в это время (то есть в конце XII в.) Плотницкий конец как таковой, вероятно, еще не оформился даже к югу от Плотницкого (Федоровского) ручья⁵², поскольку в противном случае получалось бы, что на непосредственно примыкавших к нему с севера территориях занимались монастырским строительством лица, напрямую с Плотницким концом не связанные, что вряд ли возможно в контексте традиций новгородского ктитинства⁵³.

Таким образом, к началу XIII в. основная часть территории будущего Плотницкого конца к югу от Плотницкого (Федоровского) ручья была уже заселена. Здесь имелась устойчивая городская застройка, мощеные улицы и храмы. Дифференцированное по социальным и имущественным признакам население этого «внекончанского посада», наряду с ремесленниками и купцами, включало в себя также и зажиточную прослойку, куда, по-видимому, входили в том числе и выходцы из княжеского окружения [Дубровин, Тарабардина, 2015]. В окрестностях

⁵¹ В списках Новгородской третьей летописи П. М. Строева и Императорской публичной библиотеки трапезный храм Михалицкого монастыря, видимо, по ошибке назван «во имя Рождества Пречистые» (Новгородские летописи. С. 334, примеч. 19).

⁵² См. также: [Дубровин, 2009в, с. 223–254].

⁵³ См., например: [Хорошев, 1980, с. 165–167].

«внекончанского посада» основывались монастыри, причем два из них находились в урочище Плотники к северу от Плотницкого ручья на территории будущей северной половины Плотницкого конца. На этой, еще не освоенной городом, местности в это время, наряду с указанными монастырями, существовали и отдельные догородские поселения (Михалица; у Никитинского раскопа и т. д.?).

Судя по археологическим данным, активное городское освоение урочища Плотники начинается только в 60–70-е годы XIII в. [Степанов, Соловьев, Тихонов, с. 288, 290–291; Дубровин, Тарабардина, 2004, с. 225–227]. В результате в конце XIII в. на Торговой стороне складывается новая ситуация, когда «старому» Славенскому концу противопоставляется превосходивший его и по площади, и, вероятно, по числу жителей своеобразный «противовес» — «внекончанский посад», включивший в себя как население, традиционно проживавшее на территории к югу от Славна до Плотницкого (Федоровского) ручья, так и новых поселенцев, обосновавшихся за ручьем.

Аналогичный, но меньший «внекончанский посад» существовал в это время на территории Загородья на Софийской стороне. Наличие двух значительных внекончанских образований на Торговой и Софийской сторонах вошло в противоречие с традиционной «трехкончанской» схемой городской федерации. Выходом из сложившейся ситуации было формирование на основе «внекончанских посадов» новых концов: Плотницкого и Загородского и преобразование Новгородской городской федерации в «пятикончанскую» [Дубровин, 2009в, с. 111–114].

Литература

- Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–111.
- Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве. Конец XII — начало XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1987. Вып. 10. С. 217–223.
- Буров В. А. О местоположении князей сотни в древнем Новгороде // Советская археология. 1987. № 1. С. 91–102.
- Буров В. А. Посад и сотенная структура древнего Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов научно-практической конференции (сборник 2). Псков, 1988. URL: rusarch.ru/burov3.htm (дата обращения: 20.02.2016).
- Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
- Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.
- Воронова М. А. Раскопки древней улицы Рогатицы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Великий Новгород, 1989. Вып. 2. С. 16–18.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 20–30.
- Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 11–25.
- Дубровин Г. Е. К вопросу о Федоровском ручье в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 211–218.
- Дубровин Г. Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 13–18.
- Дубровин Г. Е. О территориальных границах Плотницкого конца Новгорода // Новгородский архивный вестник. 2007. № 6. С. 23–32. [Дубровин, 2007а]
- Дубровин Г. Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 45–59. [Дубровин, 2007б]
- Дубровин Г. Е. «...Полюжая Городышинуя Жироскина дъци...» (к вопросу об основательнице новгородского Евфимина монастыря в Плотниках) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 109–117.

- Дубровин Г. Е. Из истории церкви сщмч. Ипатия Гангрского на ул. Рогатице в Новгороде // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 62–69. [Дубровин, 2009а]
- Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 101–118. [Дубровин, 2009б]
- Дубровин Г. Е. Численные характеристики исторических событий и время формирования Плотницкого конца Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород — СПб. — М., 2009. С. 223–254. [Дубровин, 2009в]
- Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.
- Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца и государственные реформы в Новгороде в середине — второй половине XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 41–53.
- Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2005. Вып. 19. С. 22–29.
- Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения — 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород, 2004. С. 224–233.
- Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Усадьба Ж Федоровского раскопа в Новгороде в конце XI — первой половине XII в. // Российская археология. 2015. № 4. С. 125–136.
- Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Великий Новгород, 2009.
- Ершевский Б. Д., Северинов В. Д. Работы Новгородского педагогического института на Ипатьевском раскопе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 1993. Вып. 7. С. 34–42.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 года // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 3–12.
- Каргер М. К. Новгород Великий. Л.—М., 1966.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 135–173.
- Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3–137.
- Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851.
- Кушинир И. И. Архитектура Новгорода. Л., 1982.
- Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003. Ч. 1.
- Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 127–133.
- Мусин А. Е., Степанов А. М. Находка иконки свв. Бориса и Глеба на Борисоглебском раскопе в Новгороде в контексте иконографии святых братьев на Руси // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород — СПб. — М., 2009. С. 350–364.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Носов Е. Н. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 44–52.
- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е. Н. У истоков Новгорода // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 272–285.
- Орлов С. Н. К топографии новгородских городских концов // Советская археология. 1965. № 2. С. 92–103.
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- Передольский В. С. Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898.
- Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские устои. СПб., 2003.
- Петрова и др. — Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 95–157.
- Пивоварова Н. В. Ктитурская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23. С. 144–155.

- Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси. Очерки по истории X—XI столетий. СПб., 1909.
- Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Рождественская Т. В. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии 1015 (1016) г. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 205—209.
- Секретарь Л. А. Михалицкий (Молотковский) монастырь // Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 318—319.
- Смирнова Л. И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 1996. Вып. 10. С. 70—80.
- Смирнова Л. И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 1998. Вып. 12. С. 94—109.
- Степанов А. М. Работы на Андреевском II раскопе в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 1998. Вып. 12. С. 14—21.
- Степанов и др. — Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В. Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика В. Л. Янина. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 62—79.
- Степанов А. М., Соловьев Д. И. Работы на Андреевском II раскопе в сезоне 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 21—23.
- Степанов А. М., Соловьев Д. И., Тихонов П. И. Андреевский II раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика усадебной застройки) // Новгородские археологические чтения — 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород, 2004. С. 280—288.
- Тарабардина О. А. Результаты дендрохронологического анализа построек Андреевских раскопов в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 173—186.
- Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991—2005 гг.). АКД. М., 2007.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Торопова Е. В., Тарабардина О. А. К вопросу о топографии Плотницкого конца в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 1997. С. 38—40.
- Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 174—196.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Хорошев А. С. Новгородские усадьбы X—XV вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 411—424.
- Шапалов Р. Г. Мастерская по обработке янтаря Федоровского V раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 117—133.
- Шапалов Р. Г. Изделия из янтаря и янтарное производство (2.3.16) // Федоровский раскоп в Новгороде (рукопись). Б. г.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 79—95.
- Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004.